

Епископ Андриан В ЗАЩИТУ ИКОНЫ

Речь на Освященном соборе 2001 г.

Нам, сознающим свое недостойнство, конечно, следовало бы всегда хранить молчание и исповедать пред Богом свои грехи», — так начал свое «Защитительное слово» против порицающих святыне иконы св. Иоанн Дамаскин. Но, как он не считал возможным молчать, так и мы хотим устроить защиту достойных почитания изображений и уберечь правоверных христиан от того, что «достойно презрения, что не от Бога имело причину, а что есть наше изобретение вследствие своевольного отклонения и направления воли оттого, что сообразно с природой, к тому, что противоположно ей — греху».

Долгие споры и неоднократные попытки иконоборцев принизить значение иконы, запретить использование икон в церковной практике завершились триумфом почитателей икон и принятием Седьмым Вселенским Собором догмата об иконопочитании. В нем отмечается, что «иконы, написанные красками, и из drobных камней и из других, способных к тому веществ, устрояемые... на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках... подобает чествовать лобызанием и почитательным поклонением... ибо честь, воздаваемая образу, переходит к Первообразному и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней».

Господь принял человеческую плоть — Он был видим и осязаем. Поэтому Иоанн Дамаскин восклицает; «Созерцаю образ Божий, как видел Иаков... ибо он очами ума видел невещественный прообраз будущего, а я созерцаю напоминание о Виденном во плоти».

Люди, которых мы называем «святыми», — это такие же, как и мы, жители Земли, которые по силе своей веры стали носителями Духа Святого. В них через соединение с Божественным Светом преобразилась человеческая природа. Икона являет нам человека — обитателя духовного мира и обнаруживает в себе прежде всего духовную сущность. «Икона — это то же Божественное Откровение, только написанное не буквами, а красками».

Религиозное искусство, каковым является иконопись, есть выражение Божественного начала. Самая «плоть» иконы преобразена и освящена изображенным на ней образом, восходящим к Первообразу. Это и дало повод Иоанну Дамаскину в его речах против иконоборцев восклицать: «Чту материю», т.е. и краски, которыми написан образ, и доску, на которую нанесено изображение, ибо Христос, явившийся во плоти, освятил тем самым все материальное.

На иконопись, так же как и на церковное песнопение, следует смотреть как на одну из сторон богослужебного обихода, как на обряд и таинство. Если живопись и поэзия всецело исчерпываются эстетическим анализом, то псалмы Давида, церковное песнопение Иоанна Дамаскина также и икона требуют более глубокого и всестороннего анализа. Эстетический критерий — это лишь ничтожная часть глубочайшей проблемы — религиозного смысла иконы. Если философский смысл, как и философия любой религии, общедоступен, то религиозный смысл, как действенный акт, как умное делание, как путь, связующий душу

человека с Богом, доступен только верующему и закрыт для всех других.

Смысл иконы таинствен, как и смысл всякого религиозного обряда и религии в ее целом. Главный же смысл иконы в ее чудотворении. Всякая икона чудотворна. Вне чудотворности, хотя бы в потенциальном смысле, она уже не икона, а скорее, просто картина. Чудотворна же икона потому, что через нее верующий общается с Первообразным и тем самым приобретает благодать. Икона чудотворна так же, как религиозный обряд и молитва, и она творит чудеса не сама по себе, а является оружием Божественного промысла, и непременно при наличии у молящегося искренней веры в помощь Божию. Икона чудотворна Божественной силой, через нее проявляющейся, и встречным усилием верующего.

Икона не пишется с натуры. Художник, посланный царем Авгарем, не смог написать портрет Христа. Это свидетельствует о том, что икона — это не портрет, не повторение природы, а результат усиленного созерцания и умного делания — молитвы.

Каждая икона, написанная благочестивым иконописцем, соблюдавшим в изобразительных формах церковную традицию, и освященная Церковью, может стать чудотворной через молитвы верующих, преклоняющих перед ней колени и устремляющих свои помыслы и надежды к Первообразу. Причем чудодейственная сила исходит не от иконы, а через икону, и благодать этой силы приемлет, еще раз повторяю, только верующий человек. На икону не смотрят, ее не «переживают», а на нее молятся. Образ-икона — не имитация, не символ, а реальность, изобразительно выраженная умная молитва, это сосуд, в котором мистически присутствует Божественная гармония.

Никакие шедевры мирового искусства христиан не предпочтет простым словам Иисусовой молитвы, коими творится чудо спасения и преображения человека. Подобно этому никакие репродукции, искусно выполненные бездушной типографской машиной, не заменят «живой» иконы, писанной благочестивым мастером по канонам церкви, по древней технологии натуральными красками из горных минералов. Как текст молитвы церковной неизменен, так неизменны и формы иконописи. Поэтому иконопись, как искусство религиозное, долженствующее обслуживать обрядовую сторону богослужения, которая неизменна и традиционна, должна быть консервативна.

Икона изобразительно догматична, и в ней, как и в церковно-обрядовой стороне, царствует узаконенная традиция, а не индивидуальный произвол. Можно допустить, что и неканоническое изображение может стать чудотворным средством в руках Божиих, подобно тому как простые слова разбойника благоразумного сделались для него дорогой в Царствие Божие, но из этого вовсе не следует, что для иконы не обязательна церковная догма. Молитва отдельного верующего может быть свободна, но Церковь молится по уставу и предлагает верным соблюдать церковную традицию. Это положение всецело применимо к иконописи. Поэтому икона, церковью освященная, должна быть каноничной по своей форме. А если мы допустим, что любая реликвия может стать иконой, то тем самым мы будем игнорировать всю обрядовую сторону Церкви, не допускающей произвола.

В древние времена иконописец был иноком и подчинялся монастырскому уставу. К писанию иконы он приступал как к духовному подвигу, окропляя святой водой все материалы и инструменты. Когда инок сменил светский иконописец, тогда потребовалось специальное руководство его поведения. Ему рекомендуется добропорядочная семейная жизнь. Он, будучи совершителем изобразительно выраженной молитвы, будучи участником обряда, выделяется из светских людей, почти приравняваясь священнослужителям.

Стоглавый Собор определяет качества, которыми должен обладать иконописец: смиренный, кроткий, благоговейный, не празднословец, не смехотворец, не завистник, не пьяница, не убийца. По немощи человеческой предусматривается возможность супружества. Но самое главное — это «в посте, в молитве, в воздержании со смиренномудрием, с великим тщанием писать Образ Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Богоматери, Святых

Пророков...».

Собор особо отмечает, что иконописец должен непременно иметь учеников, которых следует учить «без всякого коварства». Достойных учеников приводить к святителю, дабы получить от него благословение. А у кого не получается, такого «дела престоати — запрещение положить». Думается, что такие высокие требования вовсе не случайно предъявляются Церковью к иконописцам, ибо от их духовного состояния и уровня мастерства в значительной степени зависит «сила» иконы.

В церковной практике испокон веков нашли широкое применение литые иконы. Как нетрудно заметить, вышеуказанный догмат не оговаривает возможности их использования, поэтому правомерность таких икон можно было бы поставить под сомнение. Однако это сомнение нетрудно рассеять следующими рассуждениями. Прежде всего, материал, если это металл, в полной мере отвечает требованиям долговечности — «иже суть крепцы существом». На возражение же, что этот способ подобно типографскому является бездушным тиражированием, следует отметить, что форма, по которой отливается образец, всегда была делом рук великого мастера, а главное, в не меньшей степени, чем иконописец, — молитвенника, и, таким образом, форма являлась также произведением религиозного искусства. А через форму к каждому образцу фактически прикасался резец мастера. А самым главным, пожалуй, доводом в защиту литых икон можно считать проверку временем, которую они успешно выдержали, получив широкое распространение с глубокой древности до наших дней, что, несомненно, можно назвать благочестивой традицией. Другое дело, что современное литье, выполненное по формам сомнительных авторов, так же как и современная иконопись, требует квалифицированной критической оценки.

Новообрядческая церковь зашла очень далеко в деле реформ, введение новых обычаев для нее привычное дело. Еще протопоп Аввакум писал: «...По попущению Божию умножися в нашей руской земли иконного письма неподобнаго изуграфы.... Все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя».

В XIX веке иконописцев и вовсе сменили мастера натуралистического искусства. Чудовищные по духовной безвкусице росписи кисти художников-передвижников «украшили» соборные храмы Христа Спасителя в Москве и св. Владимира в Киеве. Со стен на молящихся смотрела безрелигиозная натуралистическая живопись. Фрески Киевского Софийского собора XI столетия, написанные мастерами «византийского возрождения» были записаны в XIX веке масляной живописью. Под сводами церковного купола понеслась музыка Чайковского и Рахманинова в исполнении светского хора профессиональных певцов Неверующий Гречанинов написал музыку для «Символа Веры». При словах «Свете тихий» вспыхивает электрическое паникадило. Однако внедрение в духовное и сверхвременное бытие Церкви светских элементов есть искажение чистого лика Церкви, т.е. ересь. Каждый, даже мирянин, понимает, что нельзя во время богослужения читать стихи и поэмы светских писателей! Молитву Ефрема Сирина не заменит переложение ее, сделанное Пушкиным! Использование в храме аудиозаписи вместо живого песнопения кощунственно!

Старообрядцы — хранители древних благочестивых обрядов и обладатели несметного духовного богатства в виде старинных икон, как никто другой, должны особенно бережно относиться к традициям и каноническим установлениям Православия и не уступать современным, подкупающим своей рациональностью тенденциям «механизации» иконописи. Говоря словами апостола Павла: «Итак, братие, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес 2,15).

Решать проблему острого дефицита икон нельзя путем нарушений канонических установлений Церкви. Использование бумажных репродукций в качестве икон является полной профанацией иконопочитания, что я бы назвал ересью иконоборчества. И здесь в качестве основного направления на пути решения этой проблемы напрашивается организация иконописного училища. Для этого имеются все предпосылки, и, главное, есть

мастера-иконописцы, владеющие знанием древней технологии и имеющие богатый практический опыт иконного письма. Иконописное творчество не только душеполезно, но и материально выгодно. В то же время изобилие икон неизбежно приведет к уравновешенным реальным ценам.

Что касается домашней молитвы, то бумажные иконы могут быть здесь использованы только как изображение того, что должно быть на их месте. Их даже не нужно освящать, так как это не иконы. А если «образа подобно написана не прилучится, и ты на небо на восток кланяйся», — такой совет дает нам протопоп Аввакум.

А закончу воззванием Василия Великого: «Восстаньте теперь... славные живописцы отменных подвижнических деяний, и умаленное изображение Вождя сделайте великим при помощи вашего искусства. Победителя, очень неясно нарисованного мною, осветите красками вашей мудрости!»

Журнал «Церковь». №4-5. М., 2002. С 51-52.